

Аквариум

18+

Андрей Кокоулин

Андрей Кокоулин

Аквариум

«ЛитРес: Черновики»

2020

Кокоулин А.

Аквариум / А. Кокоулин — «ЛитРес: Черновики», 2020

В странном мире, где живет Гриб, есть Зыбь, есть "связь", есть люди, овцы и куклы. Все уверены, что это искусственный мир. Но что он представляет собой в действительности?

© Кокоулин А., 2020

© ЛитРес: Черновики, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Глава 1

Канчак ждал у крыльца.

Сначала Гриб рассматривал его в щель между занавеской и рамой окна, потом, поскольку Канчак был повернут от дома в сторону зябкого солнца, выглянул, уже не стесняясь. Смотреть было забавно. Канчак на «связи» казался серьезней, сосредоточенней, чем всегда, стоял, руки вдоль тела, сам в струнку, с легким наклоном к солнцу. Ветер шевелил редкие светлые волосы на макушке и, казалось, сбивал в морщины узкий лоб. Сколько уж Канчаку? Старик.

– Что сидишь? – сказала Мека, поднося чайник. – Позови, пусть позавтракает.

– Он в процессе, – сказал Гриб, подставляя чашку.

Струя кипятка ударила в фарфоровые стенки. Пар острыми завитками потянулся к лицу. Гриб отстранился.

– Все равно, вдруг все уже, – сказала Мека. – Тебе жалко?

Она налила кипятку себе, определила чайник на каменную плитку и пошла в посудный закуток за чашкой для старика.

– У него всегда плохие новости, – оправдываясь, сказал Гриб.

Но сбить Меку с толку это не могло.

– Зови, – качнула головой она.

Гриб знал этот тон и не любил его. Саму Меку любил, а этот тон нет. Против него он был бессилен, мог разве что плюнуть и в молчаливом протесте уйти куда-нибудь далеко, к реке или в Зыбь. Но как уйти, не позавтракав?

– Канчак!

Гриб стукнул пальцем в стекло, привлекая внимание гостя. Старик не пошевелился. Возможно, соединение было устойчивым. Редкость в наши времена. Гриб приблизил лицо к окну.

– Канча-ак!

Старик вздрогнул. Глаза его открылись, кожа на тонкой красной шее сложилась морщинами в повороте головы.

– Гриб!

Губы Канчака растянулись в улыбку. Гриб показал старику жестом: заходи. Канчак закивал. Суетливый, тощий, он заступил на крыльцо. Ладони его то и дело обмахивали штаны. То ли избавлялись от невидимой грязи, то ли искали и не находили карманы. Штаны у Канчака были без карманов. А раньше – кто знает?

Мека открыла дверь.

– Здравствуй, Канчак.

– Здравствуйте, хозяева, – весело сказал Канчак, заходя и обегая глазами голые стены. – Вижу, живете складно.

– А ты по делу или так? – спросил Гриб.

– Ну как я без дела? Я без дела не могу. Дела только бывают большие, а бывают малые. А еще те, которым не время, и те, которые в самый раз. Также их можно определять как простые, сложные и даже составные, требующие, значит, вовлечения большого количества исполнителей. Но главная задача для человека, вроде меня, понять, какое дело какое.

Говоря это, Канчак оказался за столом напротив Гриба, овладел поставленной ему чашкой и успел раньше всех сыпнуть себе чайной травы. Густой дух поплыл по избе.

– Хорошо! – сказал Канчак, отпивая.

Гриб едва не дал ему в лоб. Из-за Меки сдержался. Все знают, что чайную траву в компании надо сыпать одновременно. Иначе для остальных чай горчить начинает и, извините, дерьмом припахивать.

Как теперь пить?

– Ой, – заметил прозрачную воду в их чашках Канчак. – Вы что, себе еще не заварили? Гриб поиграл желваками.

– Как видишь, Канчак.

Старик улыбнулся. Зубы его были черны от напитка.

– Оно и не страшно, Гриб, – сказал он. – Можно перетерпеть. Или позже почаевничать. Тебе, может, и лучше будет.

– Почему это?

– Ну как же, как же... – Канчак стукнул себя по голове ладонью, словно взбалтывая мысли. – В трезвости тебе надо быть, в цельности ума.

– Ну-ка, дайте место, – попросила, появившись, Мека.

Гриб сдвинул чашки. В центре стола угнездилась пластинка, на которую тут же опустилась сковорода, полная шипящих неженок и тетерок. Неженки были мелкие, розоватые, тетерки топорщились черными оборками.

– И как это есть без чая? – спросил Гриб.

– Ешь, и все, – сердито сказала Мека, садясь третьим человеком.

Каждому досталась ложка-лопатка.

– Ешь, – кивнул Канчак и зачерпнул из сковороды.

Не подул, не дал неженке истечь соком, сразу сунул в рот. Зажмурился. Нижняя челюсть, неряшливо поросшая седым волосом, заходила, перемалывая пищу. Канчаку, похоже, нравилось. На халяву ведь.

Гриб поймал на ложку тетерку.

Почему вдруг она тетерка? – подумалось ему, глядя на короткий стручок, по всей длине распухающий складками. С какой жизни – тетерка? Разве это тетерку напоминает? Тетерка, она... Гриб задумался.

– Ешь, – локтем пихнула его Мека.

Сама она, как и Канчак, начала с неженки. Только дала ей припасть, подув на выступившие на кожице горячие пузырьки сока.

– И как? – спросил ее Гриб.

– Нормально, – сказала Мека.

– Не вяжет?

– Нет.

Сказала и отвернулась, чтоб не допытывался.

– Вкусно, – улыбнулся Канчак. – Мека твоя – хорошая хозяйка. Мало кто так умеет готовить. Тума вечно пережаривает, а Касе моей и до Тумы далеко. Про остальной народ даже и не спрашивай.

Гриб вздохнул и откусил тетерку.

Без чая было совсем не то. Тетерка скрипела на зубах, будто была наполнена песком. Оборки драли небо. Он с трудом ее протолкнул в горло. Казалось, проглотил камень.

– Так зачем ты пришел? – Гриб отложил ложку.

– По делу. Как иначе?

Старик поднял палец, предупреждая вопросы, и еще некоторое время лакомился со сковороды. Выбирал при этом исключительно неженки. Гриб удивлялся, куда в него только лезет. И ведь не толстеет! Одну за одной, одну за одной.

– Так вот, – Канчак насытился, выдохнул, отпил чаю и кивнул Меке, благодаря за угощение. – Дело такое. – Он склонил голову, глядя на Гриба. – Тебе, Гриб, надо сходить к Эппилю. Эппиль видел кое-что.

– Что?

– Палец.

– Палец?

– Гигантский палец, который опустился с небес и придавил ему овцу в загоне. Бедная овца даже не пискнула.

– А я тут причем? – спросил Гриб.

– Ты? А к кому мне еще идти? – в удивлении качнулся Канчак. – К Зепотру? К Юстигу? Может, к Шагаю? Они все к этому никаким боком. Какой у них интерес? Нет у них интереса. И веры нет. У других – тем более. Все своим живут, все о себе кумекают. Я подумал, для кого такое дело, и сразу понял, что для тебя.

– А у меня вера есть? – хмыкнул Гриб.

Канчак прищурился.

– Мне думается, у тебя интерес есть.

– Нету, – сказал Гриб, глядя на опустевшую на две трети сковороду. – К Вотуну иди. Вотун двумя руками ухватится.

– Пошел бы, – вздохнул гость. – Сам о нем подумал. Только к тебе пошел.

– Там сказали? – поднял глаза к потолку Гриб.

– Ну тебя! – махнул рукой Канчак. – Что оно там скажет? Стучит, стучит, а толку? Болеет Вотун, вот что. Весь зеленый, как неженка перезревшая. Нельзя к нему. Он как из окна выглянул, так я и понял, что нельзя.

– Плохо, – с сожалением сказал Гриб. – Я его навестить хотел.

– Так и наведишь, наведишь. Через дверь разве не пообщаетесь?

– Ладно, – вместе со стулом отодвинулся от стола Гриб. – Действительно, почему бы не сходить? Я пойду, Мека?

Мека была неподвижна. Тело ее в мешковатом синем платье было наклонено к сковороде, пальцы сведены в щепоть, но ложка из них уже ускользнула. Несколько секунд Гриб смотрел в белки закатившихся и глаз и на мелко подрагивающие губы. Трясся у щеки каштановый локон.

– Мека.

– Ты не трогай ее, – сказал Канчак. – Вдруг что важное?

– Откуда? – спросил Гриб, которому хотелось, стиснув зубы, обнять Меку за плечи и держать, пока она не очнется.

Только при старике это казалось глупым. Вернее, не достойным его, признаком слабости.

– Никто не знает, чем обернется «связь», – назидательно сказал Канчак. – Может и поймет она что-то о нас да мире вокруг.

– Или с ума сойдет, – с болью сказал Гриб.

– Или поймет, – упрямо возразил Канчак.

– Ты скажи ей тогда...

– Скажу, – кивнул старик. – Как не сказать. Но только, если Меку твою долго на «связи» держать не будут. Мне-то еще и на Пески надо, и к Выгребной Яме я хотел сходить. Не могу я с ней весь день сидеть.

– Хоть сколько побудь, – Гриб снял с гвоздя куртку. – Доешь вон.

Он кивнул на сковороду.

– Да знаешь, – скривился Канчак, – я тетерок-то не очень люблю, жесткие они, так, если с голодухи, в охотку.

– Ну, чай допей.

– За это не беспокойся, – сказал старик.

– Ладно.

Гриб вбил ноги в мохнатые сапоги, открыл дверь и обернулся на Меку. Левый уголок рта ее блестел слюной. Глаза были все также пусты.

Не угомонятся никак «связисты». Поймать бы хоть одного да через «связь» эту и пропустить. Мека, Мека.

– Иди уже, – сказал Канчак.

Требовательно сказал, строго. Словно он был хозяин дома, а Гриб так, нежеланный гость. Может, пока Мека на «связи» все же в лоб ему дать? – подумал Гриб. Он погрозил старику пальцем, чтоб не зазнавался, и вышел. Доски скрипнули под ногами, царапнул кожу ладони грубо отесанный столбик.

– Иди, – пробормотал Гриб.

Солнце плыло в мутном красноватом киселе.

Тоже интересный вопрос – на самом ли деле это солнце? Может кто фонариком светит. Кто-то большой, с очень большим фонариком. Утром поднимает, вечером опускает, выдержав положенное время.

А иногда, получается, тычет пальцем в овец.

Гриб спустился с крыльца. Дом стоял на взгорке. Отдельный дом с навесом под поленницу. В три стороны от него уходила плоская, поросшая колючей травой равнина, вся расчерченная тропками. Километр до Жалейки, деревушки у реки, если идти прямо, на север, полтора – до монастыря, если забирать на северо-запад, и те же полтора километра до лагеря коптиков и Выгребной Ямы, если совсем податься к западу.

Делянки фермеров, вроде Эпилия, располагались восточнее, рядом с куцым лесным островком. Там же последний раз Гриб видел табор бабы Веры, остановившийся в поисках подходящего места. Фургоны, палатки. Ну а за спиной его, на задах дома, словно выгнанные за какую-то провинность за забор, громоздились покатые безлесые холмы, поднимаясь один другого выше и переходя в зеленую Зыбь.

Это был юг.

Искусственность местности ни у кого сомнений не вызывала. Нутром помнилось, не так должно быть, не так. Но как, никто не знал. И сколько Гриб не силился вообразить себе, где он жил раньше, ничего у него не получалось.

Один Зепотр настаивал, что мир таков, каков есть, и ничего до него не было, и он естественен и отмерен людям полной мерой. «Живите в радости! – орал он на собрании. – Слушайте Глас Его! В нем ответ!».

С радостью было туго, но с тем, что ответ в «Гласе его» соглашались все. «Связь» так или иначе накрывала каждого по нескольку раз за день. Некоторых она заставляла и ночью, в кровати, и тот же Зепотр настаивал, что в ночное время голос звучит отчетливей.

Гриб никогда голосов не слышал. Он слышал щелчки и гудение, изредка меняющее тон. Иногда улавливал текущую через тело вибрацию. Один раз видел странное выпуклое стекло.

Картинка держалась на внутренней стороне век долю секунды и пропала, едва за этим стеклом возникла мутная тень.

Больше ничего сеансы «связи» в его памяти не оставили. И если Бог или кто-то ему подобный разговаривал с ним, то позаботился о том, чтобы для Гриба эти беседы были покрыты мраком забвения.

Впрочем, находились люди, что слышали одно, два слова, даже обрывки речи, но сказать что-то определенное о том, что значили эти слова и речь, не могли. И язык был не знакомый, и фразы не имели в их представлении ни начала, ни конца. Гриб им, честно, завидовал. Хоть что-то определенное.

Он обнаружил, что идет в Жалейку, и взял правее. Несколько фигур, сгибаясь, копались в земле впереди. На расстеленное белое полотно то и дело отправлялись розоватые комья неженнок.

Гриб приблизился.

– Доброе утро.

Фигуры разогнулись. Оказалось, что это Юстиг с женами, Зиброй и Ашей, первой и третьей. Вторая, Лимм, видимо, осталась дома.

– Здравствуй, Гриб.

Юстиг подал грязную, в земле руку. Гриб пожал. Аша улыбнулась ему. Зибра присела на край полотна.

– Как работается?

– Ничего, – ответил Юстиг.

Он был невысокий, крепкий, плотный. Заплетенные женами волосы ложились на плечи двумя черными косицами. Недавно стриженная борода торчала ершиком. Куртка и сапоги его были расшиты бисером.

– Какие новости? – спросил Гриб.

– Новости? – Юстиг переступил ногами. – Так что? Нет их. Ну, Тарье пятку зашиб. Новость? Или что ночное моление в монастыре опять прошло впустую – тоже новость? По мне, так не новость никакая.

– А Шагай свою машину...

Юстиг махнул рукой.

– Бросил уже. С новой идеей носится.

– Какой?

– Из людей ту же машину сделать.

– Как это? – удивился Гриб.

– Это не ко мне, это к Шагаю.

– Нет, это понятно. Я слышал еще, Вотун приболел.

Юстиг насупился.

– До этого придурка мне дела нет.

Он повернулся. От деревни к ним брела едва различимая фигурка. Вместе они дождались, пока фигурка превратится в Лимм, несущую на плече мешок.

– Что уселась? Работаем, работаем, – захлопал в ладоши Юстиг, обращаясь к женам. – Жрать, смотрю, люблю, а работать?

Те безмолвно поднялись и внаклонку пошли над едва видимыми, прорастающими из земли неженками. Руки их ввинчивались в почву и выдергивали розовые комья. Гриб некоторое время любовался крепкими задами женщин.

– Про палец у Эппиля слышал? – спросил он.

– Слышал, – кивнул Юстиг.

Он принял от Лимм мешок, вытащил из него баклагу с водой и брикет сушеной травы, но Грибу не предложил. Не таков был Юстиг, чтобы делиться. Трава вкусно захрустела у него на зубах.

– И что думаешь? – спросил Гриб.

– Ничего, – сказал Юстиг, сворачивая пробку на баклаге. – Мне-то что? Хоть пальцы, хоть задница.

Он шумно отпил.

– А если это ответ?

Несколько секунд Юстиг смотрел на Гриба, и во взгляде его читалось размышление, все-речь это Гриб сказал или нет.

– Какой ответ, Гриб? Мы вопроса-то не слышим. Вот тебе, – он ткнул пальцем ему в плечо, – тебе понятно было хоть что-то, когда с тобой на «связь» выходили?

– Нет.

– И мне нет, – сказал Юстиг. – Я уже даже внимания не обращаю. Мычат себе и мычат. А кто мычит, даже не задумываюсь. Это Зепотр с чего-то уверен, что Бог с ним нечленораздельно, через рукав, к губам прижатый, общается. Шагай все о каком-то машинном разуме бредит. Что бы это в его понимании не означало. А я, знаешь, что для себя решил?

Он заглянул в лицо Грибу.

– Скажи.

Юстиг ощерил редкозубый рот.

– Я думаю, что все это – проявления атмосферы. Завихрения, колебания воздуха. Кто-то на том конце деревни чихнул, так чих этот на изнанку вывернулся, перенесся и в чужое ухо влетел. Все! А мы ахаем: ах-ах, с нами говорить пытаются!

– Так ведь не в ухо, – сказал Гриб.

– Все, – сердито отпихнул его Юстиг, – не морочь мне голову. В ухо, в задницу. Иди, куда шел. У меня сейчас жены разбегутся.

Жены, впрочем, разбежаться и не думали. Правда, по едва намеченным грядкам они ушли метров на сто, оставляя позади себя след из розовых клубней. Неженки, в сущности, можно было есть даже сырыми.

– Я возьму одну? – спросил Гриб.

– Жену? – развернулся потопавший было за сборщицами Юстиг.

– Неженку.

– А, понял. Бери. Вернешь потом.

– Спасибо.

Гриб выбрал клубень побольше, счистил с него землю, потер о штаны, рискуя порвать розовую кожуцу. Откусил сразу много. Челюсти светло. Слово тот же Юстиг схватил их руками, не боясь ранить пальцы о зубы, и держал. Гриб, жмурясь, зажевал через силу. Зараза какая. Совсем не то, что Мекой жареная. Он с трудом проглотил неженку. Дурацкий, чуть сладковатый, достающий вкус. Остатки доедать не стал, а, размахнувшись, закинул далеко в поле. Прорастет – прорастет.

– Пока, Юс, – сказал Гриб.

Юстиг не ответил.

Жены его опять ушли вперед. Подоткнули подола коричневых юбок, выставляя напоказ крепкие, гладкие ноги. Аша в этом смысле была очень хороша. А как двигалась! Шаг, прогиб, еще шаг, прогиб. Рука в сторону – раз! И неженка шлепается на землю.

Может, и жену попросить? Много Юстигу три жены. Или в самый раз? Прокорм сами себе добывают. Юстиг их любит время от времени. Мужик крепкий. Еще и четвертую пожелает. А я? Гриб остановился.

– Юстиг. Юс!

Многоженец не отреагировал. Ага, понял Гриб, подключился. Палец, задница, а на «связь» вышел. Вот тебе и проявления атмосферы. Кто там с какого конца кричит? А, Юстиг? Ну, пусть слушает.

Пофыркивая, Гриб дошагал до кучек камней, которые, бывало, доставали из земли вместо неженки, и вышел на тропу, сворачивающую к фермерским хозяйствам. Жалейка отвалилась за спину, а по левую руку легла излучина реки. Вода была темная, с глянцем, текла медленно.

Солнце приподнялось. Сделалось теплее. От земли вверх поплыл туман.

Гриб расстегнул верхние пуговицы. Какое-то время, идя к берегу, а затем и берегом, он думал о женах Юстига. Будет ли Мека против, если он еще одну такую приведет? В женщинах Гриб понимал мало, а уж в полученных из Зыби и подавно. Вроде и человек, и все при ней человеческое, а как оно дальше будет, не понятно.

С неделю молчат, потом говорить начинают, потом черты характера проявляются, а там и до самостоятельности – день-два. Человек, кукла – гадай.

То здесь, то там Грибу попадались незаконченные, сломанные постройки, шалашики из сухих сучьев, стенки из глины, холмики насыпанной земли и ямы, из которых добывали строительный материал.

Все это делалось стараниями тех, кто пытался выжить в одиночку, не в деревне и не в подготовленном для них жилье. То ли бунтарями, как Пайс, то ли параноиками, как Якоб. Гриб,

например, в свой дом у холмов заселился не из протеста и не из соображений психической безопасности. Просто не любил многолюдье, неуютно, тесно себя чувствовал.

Он прошел мимо сложенной из глиняного кирпича узкой будки с человеческий рост и с окошком, в которое разве что можно было высунуть лишь руку. Умудрился же кто-то столько времени убить!

Река повернула, и Гриб повернул за ней. Вдалеке, в дымке проступил забор. Казалось, строй едва различимых рыжеватых воинов сомкнулся в ожидании атаки. От Жалейки за спиной остались лишь зыбкие миражи крыш.

Мысли Гриба тоже сделали изгиб. Он стал думать о Меке и Канчаке. Не уведет ли тот Меку? Зачем он ее оставил? Куда идет? Не от того же, что старик заявил, будто это дело для него, Гриба?

Опять же – попользуется Канчак Мекой, вроде никакого убытка, а обидно. Тем более, что себе спутницу напросить – пять минут понадобится, не больше. Зашел в Зыбь, взял за руку, вывел – и все, твоя.

Гриб едва не повернул обратно.

Потом поразмыслил спокойней. Надо это Канчаку – с ним ссориться? И не имел он, скорее всего, никакого желания остаться с Мекой наедине. Тем более, что Мека сама была на «связи». Какой от нее, от такой, обездвиженной, толк? Плюнул Гриб, пошел дальше. Загнал беспокойство поглубже.

Не о том, сказал он себе, не о том, Гриб, думаешь. Куда ты – как большинство? Сжились, любилась, и ты туда же? Скоро точно, как Юстиг, гаремом обзаведешься. А у тебя ведь что? У тебя – палец. С неба. Неужто не интересно?

Гриб кивнул, соглашаясь. Интересно. Смысл бы уловить только.

Забор подрос, оформился в тесно сбитые пластины, не деревянные, не железные, не пойми-какие. Навершия округлые, серебристые шляпки гвоздей, вбитые на уровне груди, блестя, как награды. У кого две, у кого три.

Видимо, за стойкость.

Дальше, сложенные из глины, из кирпича-сыпца, насыпанные валами, потянулись загоны. Большие и маленькие. Справа и слева. Над ними покачивались заросшие шерстью спины готовящихся к стрижке овец. Серые, белые, зеленоватые. Не спины, а будто пена поверх бассейна.

Разбросанные между загонами дома тоже казались пойманными, помещенными на равнину диковинными животными. Окна – глаза, крыльцо с навесом – морда с носом, пристройки – лапы, крыша – лоб.

– Гриб!

От ближайшего дома в длинной, навыпуск, рубахе, в шерстяной длиннополой безрукавке, в косматых шортах спешил к нему Санси. Гриб оглянулся по сторонам – укрыться было негде. Хоть к овцам ныряй.

– Привет, Санси!

– Ага. Сейчас.

Санси доковылял до Гриба и упер ладони в колени, чтобы отдышаться. Он был небрит, бородат, в нечесаных темных волосах застряли клочья овечьей шерсти. Но лицо было благостным, светлым. Безрукавка и рубаха темнели жирным соком неженки и тетерок, но Санси, похоже, было наплевать на свой вид.

– Санси, – сказал Гриб, – у тебя же две жены.

– Ага, – подтвердил фермер.

– Чего ж они не следят за тобой?

– А дуры.

– Так научи их, – сказал Гриб.

– Они ж Зыбь, чего их учить? – удивился Санси, распрямляясь. – Ты в свои холмы для чего ходишь? Зыбь учить?

Гриб вздохнул.

– Нет.

– Во-от. Но я не поэтому, Гриб. Не нужный это разговор. Вредный. Ты куда идешь?

– К Эпилию.

Санси улыбнулся.

– А мы собираемся завтра. Придешь?

– В смысле?

– Бдение ночное. Отец Зепотр очень на тебя надеется.

– Я ж уснул в прошлый раз.

– Это тогда, – Санси положил ладонь на плечо Гриба. – Сейчас другое. Новая молитва, ясные слова.

– Не ответит, – сказал Гриб.

Ласковые, добрые глаза фермера полыхнули яростью. Лицо его раздуло гримасой.

– Ты за языком следи, Гриб! – прошипел он. – Сам не веришь – молчи. Не привноси. Тебе ж лучше будет.

Санси потрянул рукав Грибовой куртки, словно намереваясь его оторвать.

– Молчу.

– Да.

Мгновение Санси смотрел под ноги, потом вздрогнул, сморщился на долю секунды и опять стал добродушным, доброжелательным фермером-заводчиком овец.

– Завтра, в ночь, мы хором читаем новые молитвы. Время завтра особое, отец Зепотр уверен, что должен быть ответ.

– Какой?

– Голос, – сказал Санси, разглаживая Грибу захватанный рукав. – Чем больше людей хором читают молитву, тем явственней проявление Его. Ты не знал?

– Нет, – сказал Гриб. – Что-то было?

Санси улыбнулся.

– Приходи, увидишь.

– В монастырь?

– Ага, там читаем.

– Я подумаю, – сказал Гриб. – Мне сначала к Эпилию сходить надо.

– А что у него? – спросил Санси. – Я что-то не слышал ничего. Помяни меня, он уж весть от Бога получит в последнюю очередь.

– Палец у него.

– Чего?

– Палец. С неба. Овцу раздавил.

Санси наклонил голову. Космы закрыли ему один глаз.

– Ты, Гриб, с ума сошел?

Гриб пожал плечами.

– Мне Канчак рассказал. Он, как ты знаешь, всех с утра обходит. Или мимо тебя прошел?

– Так спал я с ночи-то. С бдения. Может он и стучал, да я женам наказал, чтоб не будили.

Я с ними строго...

– Значит, не видел ничего?

– Не может у него быть палец, – уверенно сказал Санси. – Не верит он. В Зыби насиделся, она ему весь мозг и выела. Теперь мерещится всякое. У него и овцы, скажу тебе, с неделю назад летали.

– Овцы?

– Ага, – кивнул Санси, – поднимались над загонами и делали круги. Видимо, на пердяхем газе. Только мои овцы почему-то к такому не способны. Как думаешь, почему? С виду такие же, как у Эппиля.

– Вот я и хочу разобраться, – сказал Гриб.

– Это, конечно, пожалуйста, – сказал Санси. – Но я бы Эппилю и на шкурку от неженки не доверял. В Зыби он сидит часто.

Гриб посмотрел на мутное солнце.

– Ладно, пойду я.

– Иди. И я пойду.

Они разошлись. Санси двинулся к загону, приговаривая: «Кто тут? Кто тут у нас в загончике? Кто пытит, кто тарашится? А ну-ка бочком, бочком, Санси вас погладит, потреплет, как вы любите». Гриб же направился к низкому серому домику с нахлобученной набекрень крышей напрямик, через грядки, заросшие темно-зеленой травой, огибая редуты в большинстве своем пустых загонков.

Фермерами уже давно числились всего четыре человека. Санси, Ким, Хорот и Эппиль. Домов имелся десяток. А загонков было, наверное, штук тридцать. Для кого и для чего их было настроено, поставлено столько, спросить было некого. Можно в Зыбь покричать, можно на «связь» понадеяться. Только с ответом, уж извините.

Гриб, проходя, похлопал ладонью по земляной стенке одного из загонков. Тоже что ли фермерством заняться? Глядишь, тоже овцы залетают.

На пердяхем газе.

В доме Эппиля пахло кисло, всюду лежала шерсть, на полу – сухая, светлая, в больших корытах – мокрая, зеленоватая, длинные золотящиеся лоскуты висели на веревках. Ни самого Эппиля, ни жены его внутри не было. На столе Гриб нашел чашку с остывшим чаем и без зазрения совести отпил, наконец убивая во рту мерзкий вяжущий привкус сырой неженки. А нечего оставлять без присмотра!

Эппиля он обнаружил за домом, среди грядок. Фермер дергал нарощую траву из земли и тут же складывал ее сушиться. Жена, низенькая, смуглая, плосколицая, наблюдала. Стоило признать, вкус у Эппиля к женщинам был своеобразный. А может он не задумывался об их внешности и просто брал из Зыби, что всплывало.

– Привет, – сказал Гриб.

– О, привет! – Эппиль распрямился.

Он отряхнул руку, подал бугристую ладонь. Гриб пожал. Эппиль, прижав палец к ноздре, высморкался в землю.

– А где Вотун? – спросил он. – Я думал, Вотун придет.

Лицо у Эппиля было мясистое, нарезанное морщинами где вдоль, где поперек. Волос на голове сохранилось мало, фермер зачесывал их слева направо, и они лежали на черепе жидкой рыжеватой порослью, как побитые ветром, больные посева.

– Вотун заболел, – сказал Гриб.

Эппиль покивал.

– А ты вместо него.

– Да.

Фермер поддернул лямки, на которых держались его свободного края штаны, посмотрел на Гриба и развернулся.

– Что ж, пойдём, – бросил он через плечо.

Как большинство крупных, в теле, мужчин шагал он тяжело, оставляя после себя глубокие отпечатки голых ступней. Жена его засеменила за ним. Вот она была воздушная женщина, и ноги ее почти не тревожили земли.

– Сюда, – сказал Эппиль.

Через грядки он свернул к земляному загону метрах в пятидесяти от дома. По периметру загона, окантовкой, шел ряд кирпичей, положенный то ли для красоты, то ли для высоты стенок.

– Здесь было три овцы, – Эппиль пошел вдоль загона, – двух я потом вывел. Вот через эти ворота, – он показал на жестяные листы, составляющие створки и потопал дальше.

– Надо внутрь, – сказал Гриб.

– Сейчас.

Они сделали поворот, и Эппиль встал, как вкопанный. За ним остановилась его жена, но благоразумно отступила в сторону, дав Грибу приблизиться.

– Вот, смотри, – сказал Эппиль.

Гриб шагнул вперед. Угла земляного загона, высотой Грибу где-то по шею, не существовало. Вместо него имелась вдавлена сантиметров тридцать глубиной. След от пальца, если это действительно был след от пальца, получался гигантским. Вернее, сам палец получался гигантским. Метров пять в диаметре.

– Овца там, дальше, – сказал Эппиль.

Гриб подошел к обвалившейся комьями стенке. В загоне, густо усеянном зеленым горохом овечьих катышков, след от пальца имел закономерное продолжение. Овца или, скорее, то, что от нее осталось, поместилось во вдавине целиком. Животное было расплющено, бурая кровь и внутренности вытекли, вывалились из треснувшей, бочкообразной туши. Человеку такое сделать было невозможно. С мертвой головы, ушедшей в землю по ноздри, прямо на Гриба взирали остекленевшие, мутные глаза.

– Ну, как? – спросил Эппиль, когда Гриб отвернулся.

– Палец?

– Палец.

Фермер в воздухе показал, как палец падал.

– И ты видел? – спросил Гриб.

– Не когда падал, когда поднимался, – сказал Эппиль. – Небо светилось ярко. Свет в окно. Проснулся, увидел.

– Палец или руку?

– Палец.

– А жена?

– Она новенькая, еще не соображает.

Они вернулись к дому и сели за узкий стол во дворе.

– Вея, чай, – распорядился Эппиль.

Жена поклонилась и юркнула в дом.

– Есть соображения, что это было? – спросил, помолчав, Гриб.

– Ты записывать будешь?

– Запомню.

Эппиль поскреб щеку. Кожа сминалась под ладонью в бугры и провалы. Гриб боялся, что она прорвется, и наружу вылезут мышечные волокна.

– Вотун бы записал, – сказал фермер.

– Я ему перескажу.

– Значит, скажи про палец.

– Я в более общем смысле.

– В смысле, чей это палец? – спросил Эппиль.

Гриб кивнул.

– Да, что ты об этом думаешь?

Эппиль качнулся на скамейке.

– Тут и думать нечего. Это палец высшего существа.

– Бога?

– В этом я не уверен.

– Для дьявола, согласись, мелкоовато.

– А для Бога?

Вернулась жена Эппиля, неся чашки с горячим чаем. Первую она поставила перед мужем, вторую – перед его гостем. Чай пах чаем, чуть островато, но вполне приятно.

– Хорошо, – сказал Гриб, отпив маленький глоток, – а не было ли это природным явлением? Смерчем? Молнией?

– Травы еще принеси, – распорядился Эппиль и замотал на Грибовы слова головой. – Что я, молнию от пальца не отличу? Руки не видел, но уж палец-то, вторую и третью его фаланги наблюдал, как тебя.

– То есть, ты вышел из дома...

– А ты б не вышел? – фыркнул фермер.

– Не знаю, – сказал Гриб. – Страшноовато, когда твоим участком начинают интересоваться не твоего калибра существа.

– Не вижу ничего страшного. Вышел, посмотрел, плюнул в сердцах.

Вея, появившись, положила на стол пучок свежей травы. Улыбка у нее была еще неумелая, губы выворачивались до розовых десен.

– Почему? – спросил Гриб.

– Почему плюнул?

– Нет, почему не страшно?

– Ты бери, бери. Как черемша, – кивнул на траву Эппиль и сам выдернул крупный ломкий стебель. – Страшно, когда страх есть. У меня его нет. Вот овцу жалко было.

– Просто... если это было на самом деле...

Фермер прекратил жевать.

– Ты сомневаешься?

– Пока да.

– Ну, это твое дело. Мое дело – рассказать. Я палец видел.

Вея села на скамейку рядом с мужем и тоже сунула в рот стебель.

– А ты, – наклонился к ней Гриб, – ты палец видела?

Вея смотрела на него лучистыми глазами. Понимания в глазах не было ни на грамм. Вместо ответа женщина протянула Грибу свою травинку.

– Я же тебе говорю, – обнял, прижал к себе жующую жену Эппиль, – глупая она еще. Неделю назад взял.

– А старая?

– Тебе какая радость? В Зыбь отвел. Надоела, больно умная стала. Только у меня разговор короткий. Выпендриваешься – прощай.

Да, подумал Гриб, есть такая практика, чуть что – сразу в Зыбь. Был человек – нет человека. Он так не смог бы. Даже когда он был очень сердит на Меку, он шел к Зыби сам. Один. Как к берегу реки, к зеркалу, к самому себе.

– Тогда у меня вопрос, – сказал Гриб, качнувшись. – Элементарное соображение. Зачем обладателю, как ты говоришь, пальца понадобилась вдруг твоя овца? Это какая-то особенная овца?

– Да нет, – сказал Эппиль. – Обычная.

– Тогда почему он ее раздавил? – продолжил отстраненно размышлять Гриб. – Она была опасна? Или потенциально опасна? Сам понимаешь, пальцы без причины с неба на овец не падают. Первый случай, если не ошибаюсь. Тогда получается, чем-то она обладателю пальца очень не понравилась. Но чем? Какой у него был мотив для того, чтобы расправиться с твоей овцой, Эппиль?

Фермер ткнул пальцем в небо, чуть ли не в мутное красное солнце, похожее на воспаленный глаз.

– Это все к нему, к высшему существу. Я его мотивов не знаю.

– Но, получается, даже твоя жена подтвердить твои слова не в состоянии.

Эппиль привстал. Столешница даже скрипнула под его ладонями, когда он в нее уперся и навис над собеседником.

– Вижу, ты мне не веришь, Гриб. Но что ты скажешь насчет загона? Я его выломал? А насчет овцы? Это я ее что ли распотрошил – ноги в стороны, кишки наружу? А выемка? Это я ее подкапывал, чтобы она выглядела, как след пальца?

– Нет, здесь ты прав, – сказал Гриб.

– Именно.

Сердито посопев, Эппиль сел на место.

– Что-то странное имело место, – сказал Гриб, взяв паузу. – Но что? Действительно ли палец, а не, скажем, атмосферный столб? И какой это несло смысл, если, по-твоему, имело место вмешательство высшего существа? Может, это знак был тебе, Эппиль?

– Какой знак?

– Не знаю. Что, если палец в тебя метил?

Несколько секунд Эппиль катал глоток чая во рту и буравил Гриба задумчивым взглядом.

– Нет, не Вотун ты, – с огорчением сказал он. – Я-то пальцу зачем?

– А зачем тогда овца?

– Затем, что она лежит там, а я с тобой здесь лясы точу! Был бы я нужен пальцу, он бы, наверное, не отступился.

– Овца, – произнесла вдруг Вея.

– Во! – Эппиль громко чмокнул жену в щеку. – Заговорила! То свистела-попискивала, а тут целым словом разродилась. Тоже скажешь, что и здесь без умысла не обошлось? Может, это тебе знак, Гриб?

– Не уверен.

– А ты подумай, – фермер поднялся. – Я траву дергать пошел. Вея!

Жена Эппиля широко улыбнулась Грибу и, легко перескочив скамейку, отправилась за мужем к грядкам.

– Понятно, что ничего не понятно, – сказал Гриб, оставшись один.

Несколько секунд он сидел неподвижно, глядя на черное варево в чашке, потом допил чай и закусил его травой. Как учил Вотун, он мысленно стал разбирать происшествие на составные части. Где: ферма Эппиля, загон около дома. Что: гибель овцы в результате необъяснимого случая. Свидетели: Эппиль, возможно, его жена. Иных свидетелей нет. Ночь. Фермы отстоят далеко друг от друга. Свидетельство: свечение, палец с неба, гибель овцы посредством действия гигантского пальца.

Гриб сдавил виски ладонями.

Господи, подумал он, какой ерундой я занимаюсь! Зачем? Для чего? Чтобы потом вызвать виновника в суд? Его скрючило от стыда, от собственной глупости, от того, что осмысленней, наверное, выглядела та узкая будка с узким окошком, что встретила ему по пути. По крайней мере, она была результатом созидательного труда. Гриб ткнулся лбом в столешницу, сплющил нос. Из рта его вырвался всхлип.

– Я ничего не могу, – прошептал он, закрыв глаза.

– Овца, – раздалось где-то за домом.

Одного этого хватило, чтобы Гриб, вздрогнув внутри, подобрался, выпрямился и вытер губы, уже пустившие слюну. Что-то он не вовремя...

– Ах, ты моя славная, – говорил невидимый Эппиль невидимой жене.

– Овца!

Счастливым человеком!

Гриб подышал. Ладно. На чем мы остановились? Осмотр: мертвая овца лежит в выемке, образованной давлением предмета (пальца) на почву. Угол у загона отсутствует. Стенки рядом обвалились. Сама овца явно испытала определенное воздействие, послужившее, как кажется, причиной ее смерти. Ре...

Гриб обнаружил, что не помнит, как выглядела овца, и, поднявшись, снова пошел к загону. В этот раз он двинулся не через грядки, а в обход, чтобы не мозолить глаза Эппилю. Фермер с женой дергают траву, и это прекрасно. Пусть дергают. Травы много. Он не в претензии. Ну и, глядишь, второе слово будет: «Трава».

Стенки вдавлины, хоть и были пологи, все равно уже частично осыпались, подравнялись. Гриб присел на самом краю.

Итак. Ребра овцы прорвали мышцы и кожу на голых белых боках, видимо, попросту лопнув от давления. Кости и сколы – желтоватые, мозговое вещество внутри – темное. В разрывы, случившиеся от лопнувших костей, шкуры, вытекли кровь и внутренности. Остатки крови на теле – бурые, на земле цвет определить невозможно. Внутренности сизые и зеленые, уже высохшие, сереющие по мере отмирания тканей.

Кстати... Гриб привстал, охватывая выемку взглядом. Папиллярных линий не отпечаталось. То есть, если и был палец, то не вполне человеческий. Или же высшее существо предпочло расправиться с овцой в перчатке. Ага, чтоб никто не догадался, чьего пальца дело. Дальше... Он снова склонился к овце, опираясь на колено. Передняя левая нога однозначно сломана, задняя левая выглядит целой. Передняя правая полностью ушла в почву. Шерсть, нарощая на спине, легла блином.

Гриб чуть сместился, чтобы разглядеть утопленную у правой конечности голову. Видимых повреждений он не обнаружил, но рот овцы, понятно, был набит землей. Мертвые глаза равнодушно взирали на исследователя-добровольца.

Гриб вдруг задумался, а почему овца – это овца? Толстое существо на тонких ножках с густо покрывающей спину шерстью, вырастающей на метр-полтора в высоту, нисколько не походило на тех овец, что он помнил. То есть, сходство имелось, но очень отдаленное. Карикатурное. Как с детского рисунка.

А щекастая треугольная морда с дырками ноздрей и круглыми, далеко расположенными друг от друга глазами и вовсе не казалась овечьей. Нет, настоящая овца другая... у настоящей овцы...

Гриб попытался вспомнить и не смог.

В голове помелькали обрывки, как брызги, как конфетти, как выхваченные слабым светом из темноты разрозненные детали, то странный глаз, с горизонтальным протяженным зрачком, то узкий белый лоб, то смутный, вытянутый профиль в опушке шерстяных колечек. Затем все прекратилось.

А мгновением позже случился сеанс.

Гриб до сих пор затруднялся для себя определить, включение это или выключение. Старается кто-то передать ему полезную информацию или ставит по плану на профилактику, проверяет узлы, соединения, смыслы. Просто стало темно.

Крохотным кусочком сознания ему удалось зафиксировать свое состояние. Кто он, где он. Руки. Ноги. Пошевелиться Гриб не мог. Зато чувствовал стесненность, скованность, какую-то мешающие, заползшие глубоко в горло пальцы. Чужие пальцы. Огрызки мыслей, что так или иначе возникали в нем, были полны боли и удивления. Как... ай... что... не...

В Грибе щелкнуло. Завибрировала макушка, и от нее в череп потекло электричество. В ушах появился шум. Волосы на голове зашуршали. Мозг словно хрустнул, но не сломался. Гриб услышал внутри себя осторожное, деликатное гудение, которое, как при настройке прибора, становилось то громче, то тише, тело стало казаться цельнометаллическим, зубы заерзали в

деснах, а от копчика пошло тепло. Оно поползло вдоль позвоночника, пока в какой-то момент не стало невыносимым.

Тут бы и закричать, но как? Откуда-то возникло понимание, что таким образом и происходит нагрев заключенного в цепь проводника.

Потом Гриб лишился сознания.

Голоса на «связи» все всегда слышали именно тогда, в самом конце сеанса.

Вотун говорил, что в этом нет ничего удивительного. Напряжение выкручивали в ноль, и остаточные токи формировали в голове звуковые артефакты. Кому-то чудились слова, кому-то – отдельные звуки, восклицания, кто-то, как Зепотр однажды, улавливал, что ему делать и как поступить.

Только Гриб снова остался глух. Темнота отодвинулась, расслоилась в туман, попрощалась щелчками и свистом, но не голосом. Тварь. Под веками сверкнуло зеленою толстое, словно заиндевевшее стекло. Хлоп! – и Гриб очнулся с мертвой овцой в обнимку. Выход из сеанса у него всегда происходил резко, одномоментно. Тот же Канчак, например, мог еще минут пять или десять стоять, как в ступоре, перекатывая ощущения в голове. Гриб – нет.

Он выдохнул спертый, скопившийся в легких воздух, оттолкнулся от овцы, встал и отряхнул о штаны ладони, которые были в земле и в слизи, словно он во время сеанса копался у бедного животного во внутренностях.

– Кончилось? – спросил кто-то сзади.

– Да, – хрипло сказал Гриб.

Он как-то постарался понять природу «связи», но скоро пришел к выводу, что его разуму это недоступно. Также недоступна пониманию была Зыбь. Сколько не смотришь в нее, сколько не провоцируешь, все впустую.

– Закуси сразу.

Эпиль подал ему пучок травы. Гриб механически сунул его в рот. Травяной сок защипал язык. В голове прояснилось. Гриб еще раз отряхнул руки. Редко когда «связь» срабатывала так, что человека водило по местности слепой куклой. С ним, получается, такое только что произошло.

– К овце я сам? – спросил он.

– Вроде бы, – сказал Эпиль. – Я пришел, ты уж вокруг нее ползаешь. Но ты не долго ползал, притих.

– Я что-нибудь...

– Нет, сопел только.

– Это «связь».

– Да я понял, когда ты не отозвался.

– Я...

Гриб умолк – ему показалось, что под космами спадающей шерсти землю бороздят несколько пересекающихся линий.

Странно.

– Эпиль, – он наклонился и с трудом завернул длинные космы, открывая рисунок свету, – ты утром такое видел?

Фермер крикнул. Лицо его словно бы спряталось среди морщин, а рыжеватые волосы слезли на лоб.

– Нет, это, похоже, ты постарался. Я все хорошо осмотрел. Не было.

– Не было, – повторил за Эпилом Гриб.

Рисунок представлял собой две прямые, тщасиися быть параллельными, достаточно глубоко прорытые в земле, каждая длиной сантиметров тридцать, но одна чуть короче другой. Гриб не знал, важно ли то, что одна короче, но на всякий случай отметил в памяти. Поперек

этих прямых были нанесены шесть палочек-отрезков в семь-восемь сантиметров длиной. Их, видимо, Гриб в сеансе прочертил ребром ладони.

– Похоже на забор, – сказал Эппиль.

Гриб кивнул. Его еще покачивало. Затылок зудел.

– Или на лестницу, – сказал он.

– И к чему это?

– Не знаю.

– Нет, ты не Вотун, – скривился фермер. – Завтра я овцу в Зыбь снесу. Ты все посмотрел, что надо?

– Да, – ответил Гриб.

Ему казалось, в макушке у него все еще искрит контакт.

Глава 2

Жалейка была заставлена домами беспорядочно, без какого-либо плана и разума. Вотун, правда, подозревал, что это не совсем так, но для подтверждения его теории необходимо было взглянуть на деревню с высоты метров этак пятнадцати. А лучше – двадцати. Гриб предлагал установить шест на крыше. Вотун сказал, что не самоубийца изображать попугая на жердочке.

Кто такой попугай, так и осталось не выясненным.

Всего домов в деревне было тридцать четыре вместе осыпавшейся до второго этажа башней непонятного назначения. Ее считали то силосной, то водонапорной, то просто смотровой. Жителей, без тех, кого люди брали себе из Зыби, было всего пятнадцать. И это расхождение в доступном жилье и малом числе претендентов на него иногда занимало мысли Гриба, как хитроумная задача с ускользающим все время решением.

Казалось бы: тридцать четыре... хорошо, тридцать три дома. По округе раскидано еще около двадцати. То есть, десять фермерских и девять одиноко стоящих избушек. Итого пятьдесят два жилых дома. Может, где-то и затесалось еще одно-два строения, но для подсчетов это было не так уж важно. Пятьдесят два. Плюс монастырь с полуразрушенной часовней и жилым корпусом как минимум на два десятка монахов. Даже если брать монастырь за единицу, получается пятьдесят три здания. Пусть так.

Теперь люди. В Жалейке – пятнадцать человек. Фермеров – четверо. В округе обитают еще пятеро вместе с Грибом, Пайсом и Якобом. Ну и в монастыре до последнего времени постоянно находились шесть человек с Зепотром во главе. В общем и целом – тридцать один житель.

А домов – пятьдесят три. Ничего не смущает, нет? Или все-таки видится диспропорция? Ведь если задуматься, то напрашиваются два соображения. Первое: эти два десятка недостающих человек куда-то подевались, умерли, растворились в Зыби. И второе: эти два десятка в будущем еще могут объявиться и занять пустующую жилплощадь. Было, конечно, и третье соображение: количество домов и людей никак между собой не связано.

Но об этом Гриб думать не хотел. Он предпочитал усматривать некую, пусть и зыбкую логику в окружающем его пространстве, чем не видеть никакой. И вообще Гриб полагал, что тот, чьими усилиями все они оказались в подобном месте, не руководствовался одной лишь своей прихотью. В его действиях наверняка имелись смысл и конечная цель. Как в том же пальце, раздавившем овцу.

Об овце и пальце Гриб и размышлял всю дорогу до деревни. И чем дольше он размышлял, тем к все более странным выводам приходил. Выемка, появившаяся вместо угловых стенок загона, без сомнения была искусственного происхождения. Эппиль или же, скажем, Санси, решивший подшутить над Эппилем, какой-нибудь таз таких размеров, пожалуй, и могли соорудить, но их никак нельзя было заподозрить в том, что под такое дело они станут убивать овцу. Кроме того, само действие выглядело глупо и не несло никаких выгод. Потом – таз...

Хорошо, согласился с самим собой Гриб, таз можно из Зыби в течение пяти минут вытянуть, но его ведь еще надо притащить, установить, чем-то наполнить, чтобы под тяжестью груза сформировался отпечаток.

Будет этим заниматься Эппиль? А Санси?

Нет, люди к этому явно были не причастны. Но и в то, что тот, кто за ними наблюдал, включал и выключал «связь», вдруг без всякой причины сунул к ним пальцы, Гриб не верил. Значит, что? Значит, дело в овце. Ведь именно она стала целью. Эх, надо было бы расспросить Эппиля, как он эту овцу получил. Хотя, наверное, Эппиль о том, что овца эта необычная, сам сказал бы.

Жалейку ничто не огораживало. С восточной стороны имелись, конечно, какие-то попытки сооружения забора, но выглядели они очень неумело – две-три штакетины и длинный, метров в двадцать, пропуск, проходи, кто хочешь, затем опять – две-три штакетины. Как зубы в старческом рту.

Вокруг домов ограды тоже не практиковались. Несколько узких грядок, и вот уже найденная тропка в обход.

Окраинные избы большей частью пустовали. В Жалейке предпочитали селиться тесно и ближе к центру, который знаменовали башня, колодец и вытоптанная площадка размером метров сорок на тридцать. Вокруг нее криво-косо стояло пять домов, во втором дырявом оцеплении отметились еще восемь. Вот в них, собственно, почти вся Жалейка и жила. Вне этого конгломерата, даже не прилепившись к нему, поселились только Савой и Вотун.

Дом Савой был самым западным. Дом Вотуна стоял на северной стороне деревни.

Солнце вылезло в зенит, красноватые тени от предметов съжились, подобрались, загустили. Макушку Грибу начало припекать. Голова под приложенной ладонью казалась горячей. Обойдя пустой дом, Гриб наткнулся на мужичка, упорно рыхлящего пальцами бесхозную грядку. Мужичок был в штанах и майке, мускулистый, незнакомый. Казалось бы, встретить в их палестинах незнакомца почти невозможно, но, что мужчины, что женщины, все без разбора наведывались в Зыбь, выводя из нее себе мужей и жен. И мужичок был явно новенький, зеленватый. Увидев Гриба, он прекратил свое занятие, выпрямился, заулыбался и мелко закивал.

– Ты чей? – спросил его Гриб.

– Свой, – ответил мужичок.

– Как свой? – удивился Гриб.

– Свой, – повторил мужичок и показал куда-то на запад.

– Ах, Савой! – догадался Гриб. – А чего это она сюда тебя отпустила?

– Кыпа.

– Чего?

– Кыпа, – показал на грядку мужичок и заулыбался.

– Ну, копай, копай, – сказал Гриб. – Привет передавай хозяйке. Может, зайду к ней когда.

– Пык.

Мужичок присел и с сосредоточенным лицом вновь принялся ковырять землю. О Грибе он уже позабыл.

То, что Савой завела себе новое существо, было новостью. Имелся у нее Павл, угрюмый, молчаливый мужик из Зыби, который больше походил на телохранителя, чем на мужа, потому что следовал повсюду за ней по пятам, и вроде бы хватало ей. Но нет, видимо, перестало хватать. Поветрие что ли какое? Эппиль новую жену завел, Савой вот со своей стороны отметилась. Интересно, она Павла также в утиль сдала, как Эппиль, или оставила?

Гриб фыркнул. Нет, он Меку ни на кого менять не собирается. Сам из Зыби вывел, значит, такую и хотел. Хотя, конечно, характер у нее испортился. Зато и в постели какая-то страсть что ли появилась.

Гриб взял восточнее, шагая по тропкам между домами и грядками. Где-то уже трава поднялась едва ли не по плечи, где-то неженка выпирала размером с два кулака. Стоило ему подойти к жилым домам, Гриба тут же окликнули.

– Эй, Гриб! Привет!

Остроносый, кадыкастый Сильм выглядывал из ближнего окна. Был он болезненно худ, мосласт, с бледного лица без всякого выражения смотрели светлые глаза. Голые руки свешивались с подоконника.

– Привет, – отозвался Гриб.

– Повеселиться хочешь? – спросил Сильм.

– В смысле?

Сильм качнул головой в глубину дома.

– У меня тут четыре жены. Все хотят. Можем устроить групповушку. Честное слово, достало их в одиночку трахать.

– У меня дела, – сказал Гриб.

– Какие здесь могут быть дела? – развел руками Сильм. – Здесь какое дело не придумай, все осточертеет.

– Мне к Вотуну надо.

– Так Вотун же заболел.

– Я знаю, – сказал Гриб.

– А-а, – протянул, сморщившись, Сильм, – вы же эти, искатели смысла. Вы друг другу мозги трахаете. И как, много смысла натрахали?

– Пока нет.

– Я вот тоже ничего не слышу, – почесав в подмышке, сказал Сильм. – Но, знаешь, я как-то попробовал на «связи», ну, в секундные доли просветления, о чем-то там спрашивать. Типа, кто ты? Что тебе надо? Вот прям по Вотуну, который этот опросник придумал. Что ты с нами делаешь?

Он умолк, глядя на Гриба.

– И что? – спросил тот.

Сильм улыбнулся.

– Я услышал ответ, – значительно сказал он.

– Какой же? – прищурился Гриб.

– Он был... – Сильм сделал паузу. – Он сказал... Забей! – выкрикнул он. – Забей! Иди нахрен!

И, захохотав, пропал из окна.

– Девочки! – донеслось из дома. – Я снова в боевом состоянии!

– Придурок, – прошептал Гриб, отходя.

Жилище Вотуна могло похвастаться вкопанным у крыльца столбом с многочисленными затесами (Вотун считал дни) и выкрашенными синей краской наличниками. Во всяком случае, с другими избами и захочешь – не спутаешь. Не выясненным, впрочем, оставалось следующее: сам Вотун красил наличники, выпросив эмали у Зыби, или просто занял уже такой дом?

Грядок Вотун не держал, и то, чторосло у него на земле перед домом и дальше, было совершеннейшим дичком: и трава, и неженки, и – неожиданно – редкие кустики альбики. Гриб не удержался и сорвал несколько ягод с куста.

Кислые-е! Он припрятал пяток в нагрудном кармашке для Меки. Надо будет порадовать. У него даже правый глаз зажмурился от какой-то нереальной кислоты.

Дверь в дом была заперта.

– Вотун! Вотун! – Гриб стукнул в крепкие доски.

Ответа не было. Как бы не помер искатель смысла.

– Вотун! Это Гриб!

Гриб стукнул еще раз и, приподнявшись, заглянул в высокое окно. Ни черта видно не было. Свет. Пыль. Серая стена с проемом напротив. Может, Вотун как раз на «связи». Чего тогда звать? Хотя больному, наверное, сеанс сейчас вообще не в жилу. Лежит Вотун, весь зеленый из себя, каменеет, а в него то ли вливают, то ли откачивают. Тоже пытаются достучаться, если поразмыслить.

Гриб, помедлив, сел на ступеньку крыльца. Ладно, ждем минут десять-пятнадцать. Больше ни один сеанс не длится. Он задумался, а что потом, если Вотун не объявится на повторный стук? Придется бить стекло, лезть внутрь. Вроде и не принято здесь помирать, а, глядишь, все в первый раз случается.

И пальцы на овец однажды падают.

Пересчитав зарубки на видимой ему стороне столба (двадцать девять), Гриб уже поднялся постучать еще, как окно, в которое он заглядывал, хлопнуло створкой.

– Кто тут?

Голос у Вотуна был слабый и сиплый, посвистывал. Выглядел Вотун тоже так себе. Зелень на впалых щеках, зелень на лбу, зелень текла из носа, копилась над верхней губой зелеными усами. Кажется, темные волосы тоже нет-нет и отливали зеленым.

Гриб сделал шаг от крыльца.

– Это я, Гриб.

Вотун приоткрыл заплывшие глаза.

– А-а, приветствую, Гриб, – сказал он и с шумом шмыгнул носом, закрыв лицо ладонью. – Неприятность со мной, видишь, приключилась.

– Вижу, – сказал Гриб.

– Ты, в общем, не подходи.

– Не подхожу.

– Ага, есть предположения, что болезнь может быть заразна.

Вотун согнулся, выпав из поля зрения, и высморкался. Когда он возник вновь, зелени на его лице только прибавилось.

– Это от чего? – спросил Гриб.

– Думаю, от альбики, – сказал Вотун.

– От а...

Гриб хватанул воздух ртом, а Вотун разразился скрипучим, с перебулькиваниями, смехом.

– Что, сожрал несколько ягод? – спросил он. – Не бойся, шучу я. Все, понимаешь, угоститься лезут. Не от альбики, неженка мне попалась, видимо, перезревшая. Я, дурак, бухнул старые запасы, не глядя, на сковороду.

– Понятно.

– погоди, – сказал Вотун, – сейчас за записями схожу. Ты же не просто так пришел?

– Нет.

– Я так и подумал.

Сморкаясь и кряхтя, Вотун скрылся, и прежде, чем он появился вновь, Гриб успел прикатить себе чурбачок и поставить его почти под самым окном.

– Все, готов писать, – обозначая себя, Вотун стукнул костяшками пальцев по подоконнику.

Гриб поднял голову.

– Слушай, Вотун, – сказал он, – почему ты себе жену не заведешь?

Вотун сердито фыркнул.

– Это твое дело?

– Нет, просто интересно. Она бы хоть ухаживала за тобой.

– Я сам могу...

Вотун оглушительно чихнул, и крошечные зеленые капли испятели стекло.

– И готовила бы тебе она, – продолжил Гриб.

– И любила бы, – отозвался Вотун. – И задницу вытирала.

– И это тоже, – кивнул Гриб.

– То есть, ты готов верить свою жизнь непонятному существу из Зыби? – оттолкнув створку, внезапно свесился Вотун.

Гриб подавил в себе желание отклониться. Зелень из Вотунова носа ниткой потянулась вниз, грозя зацепить штанину.

– Я уже вверил, – сказал Гриб, глядя больному в глаза. – У меня – Мека.

– Да, я помню.

Вотун, сморщив лицо и растеряв запал, утянулся обратно.

– А я вот не могу представить, что рядом, в одной постели со мной будет лежать... нечто, – сказал он, словно удивляясь, как кто-то находит это приемлемым. – Кукла. Почти человек. Но не человек.

– Их тоже дергают на «связь», – сказал Гриб.

– И это делает их людьми?

– Возможно, тот, кто заведует «связью», не видит разницы.

– Но я-то вижу, – сказал Вотун. – И давай пока опустим это. Я и так неважно себя чувствую. Что у тебя за новости?

Гриб выпрямился.

– Утром пришел Канчак...

Что умеет Вотун, так это слушать, не перебивая. Он не шмыгал, не чихал, не сморкался, не отпускал реплики и ничего не уточнял, только изредка втягивал соплю в нос да прижимал к зеленым губам рукав потрепанной рубахи. Терпел. Грифель поскрипывал по бумаге, запечатлевая слова.

Гриб обстоятельно рассказал о случае с овцой, о выемке, о стенках загона, о самой овце. Как она лежала, как глубоко была утоплена морда, о своих впечатлениях и выводах. Добавил, что Эппиль внушает ему доверие, но между тем, что видел Эппиль, и тем, что было на самом деле, возможно, имеются большие расхождения.

Когда он иссяк, Вотун встал и беззвучно пропал в глубине дома. Гриб, как замороженный, смотрел на каплю, прочертившую зеленый след и готовящуюся соскользнуть с подоконника на землю. Что-то совсем Вотун, что-то совсем, шелестело в его голове. Надо же, неженки до соплей обожраться.

– Прости, – вывел его из ступора голос Вотуна.

– Да?

– Я все записал. Ты хочешь выслушать мои соображения?

Гриб кивнул.

– Ой, постой, – сказал он, вспомнив, – еще новость. Зепотр новую молитву составил, ночью всем составом читают. Какая-то она у него особенная. А Шагай придумал уже из людей свою машину...

– Подожди, Гриб, – оборвал его Вотун. – Давай с одним делом разберемся, потом и до остального дойдем.

– Ну, если так...

– Не беси.

Сердито взглянув на Гриба, Вотун вытер стекло и подоконник грязной тряпкой. Лицо у него залоснилось от пота.

– Думаю, – сказал он сипло, – не лишне будет начать с самого начала. Это вообще стоит, на мой взгляд, постоянно повторять про себя. Чтобы никаких иллюзий...

Он закашлялся и сплюнул зелень в кулак.

– Я слушаю, Вотун, – сказал Гриб.

Незаметно вздохнуть не вышло.

– Это необходимо, – строго сказал Вотун.

– Я знаю.

– Мы договорились.

– Может, чуть сократим вступительную часть? – предложил Гриб. – Вотун, ты и так больной. Мне тебя жалко.

– Итак...

Собственно, даже с разными, более поздними дополнениями текст был один и тот же. Гриб повторял за Вотуном. Первое: мы помещены в искусственную среду. С этим согласны

все, кроме Зепотра, у всех до единого есть ощущения, что это место не является для них родным или знакомым. Второе: где находится это место? Существует три версии. По первой версии, они находятся в родном мире, но на участке, специально созданном (полученном, открытом) для общения с высшим разумом. По второй версии все они похищены и помещены то ли в заключение, то ли в карантин, то ли наблюдаются, как живые экспонаты. У этой версии также имеется подверсия, которую высказал Вотуну Пайс, пока еще был нормален. В ней мы все являемся командой межзвездного корабля, экспедицией, которая по пути, то есть, в глубоком космосе, или уже на месте подверглась аномальному воздействию неизвестной природы. Плюсом подверсии является то, что она объясняет фиксированное количество людей (экипаж) и отсутствие связи с внешним миром. Частично она объясняет и всплывающие у многих в памяти знания и представления, в свете которых межзвездные перелеты не вызывают никакого диссонанса. Не овцеводы мы и не копатели неженки, как можно было бы подумать.

Третья версия, выдвинутая Шагаем, объявляет все вокруг машинной симуляцией. При этом, симуляцией являются не только местность и предметы, но и люди. Люди по Шагаю выступают модулями с определенным набором функций. При этом симуляция настолько сложна, что модули наделены способностью мыслить.

Третья версия не особо популярна в виду того, что осознавать себя модулем не нравится никому. Кроме того, симуляция получается чересчур вольная, без сценария и управления. Хотя, конечно, ни о сценарии, ни об управлении никто модули оповещать бы не стал. Не их это дело.

Далее: цель. Цель вытекает из версий местонахождения. Это контакт, это наблюдение, это выполнение возложенных функций. Но ясной информации о том, что в действительности понимать целью, у них опять же нет. Их реальность состоит из обрывочных воспоминаний, по которым никак нельзя сложить общую картину, и похожих друг на друга дней в заданных границах.

Следующий пункт: «связь». Или Голос. Или голоса. Звуки. Шум. Шелест. Кратковременное подключение к чему-то.

Возможно, это и есть контакт. Только несовершенство нашего мозга, отсутствие какой-то наладки или просто несовместимость смыслового, понятийного аппаратов не дает ему полноценно состояться. Но также существует и иное объяснение: ничего общего с контактом периодические отключения сознания не имеют. Природная аномалия. Влияние атмосферы, каких-нибудь излучений в ней.

С другой стороны, все мы верим именно в то, что «связь» – это попытки достучаться до нас с внешней стороны, из-за пределов нашего мирка размером в шесть квадратных километров. В это верит и Зепотр, и Шагай, и вообще подавляющее большинство здешних обитателей. На получение устойчивого и понятного канала (Голоса) направлены усилия наиболее активных членов общества. К сожалению, апатия, распространившаяся среди людей, вызванная простым, не требующим больших затрат существованием и постепенной утратой памяти, все чаще и чаще вынуждает исследователей обращаться к Зыби.

– Вотун, хватит, – попросил Гриб.

Вотун шмыгнул носом.

– Ты чего? Здесь осталось-то!

Зыбь. Пункт пятый.

– Пункт пятый, – повторил Гриб.

Зыбь окружает мир. Куда не пойдешь, на север, на юг, на запад или на восток, все одно уткнешься в зеленую стену. Впрочем, это даже не стена, а туман или мелкая взвесь, висящая в воздухе и имеющая строго очерченные границы. В Зыбь можно уйти и вернуться. А можно не вернуться. Конца у Зыби нет, никто не доходил. Шагнувший в нее скоро пропадает из виду. Докричаться до него нельзя. Но найти, самому шагнув в Зыбь, можно.

А еще Зыбь исполняет желания.

Не все, не всякие, но если ты попросишь себе жену или мужа, она их тебе явит. Сначала твой выбор будет молочно-белой, оплывшей, едва похожей на человеческую фигурой, неожиданно вылепившейся, вставшей в Зыби напротив. Ни пальцев, ни ушей, ни волос. Вместо лица – грубые наметки.

Зайди в Зыбь, возьми ее за руку, и веди, веди в мир. Тогда и лицо мужа или жены обретет черты, и пушок волос прорастет на коже, и с тихими щелчками разойдутся, разделятся пальцы. Около недели – и появится речь, две недели – и проклянется самостоятельность, месяц – и ты не отличишь того, кого взял из Зыби, от настоящего человека. Там и характер, и разговор, и потребности в воде и пище.

И любовь.

Приобретенное в Зыби привязывается к тебе намертво. Не уйдет, не оставит. Скажешь: «Ждать», будет ждать. Как собачка. И убить – не умрет. Единственное, как можно избавиться, отвести обратно в Зыбь.

Но изредка Зыбь дает и вещи. Простые, безыскусные. Доску. Пакет угля. Чайник. Тарелку. Если повезет, получишь молоток, совок, прялку. Чего-то посложнее просить, не допросишься. Ни баллона, ни телеги, ни лестницы, ни счетной машинки. Хотя, может быть, надо лучше просить, дольше сидеть?

Шагай полагает, что Зыбь – это исполнительский интерфейс, что бы это ни значило. Типа, ты ей вопрос, она тебе – ответ. Только и то, и другое – из очень специфической области, что, конечно, совершенно лишено смысла.

Каждому по заводной собачке – это ли вершина мысли высшего существа? Этого ли от нас хотят?

– Все? – спросил Гриб.

– Да, – ответил Вотун.

Он сложил бумаги с записями и посмотрел на Гриба. Что-то странное просквозило в его взгляде. Будто ему очень и очень чего-то жаль. То ли того, что Гриб, которого он пестовал все это время, не выказывает нужных способностей. То ли того, все его записи скоро никому будут не нужны.

– Ты читать-то умеешь? – спросил Вотун.

– Вроде да, – сказал Гриб. – Помню, что умел.

– Потом, если что, разберешься без меня? – тряхнул бумагами Вотун.

– Не знаю.

Вотун, кивнув, высморкался.

– Ладно, – сказал он. – Теперь об овце. Как мне кажется, это первый такой случай. Ничего похожего у меня в записях нет.

– И что это значит? – спросил Гриб.

– Давай подумаем... – Вотун покашлял, сплюнул зеленью в тряпку. – Вот, зараза! У тебя-то какие-нибудь мысли на этот счет есть?

– Ну, первое, – качнулся на чурбачке Гриб, – если мы фиксируем такое событие, не факт, что оно не случилось раньше. Мы могли не обращать внимания. Или не обладали информацией.

– Мысленно аплодирую.

– А второе, овца, видимо, была слишком опасна, раз ее пришлось уничтожить посредством столь необычного явления.

– Овца?

– Да.

Вотун хмыкнул.

– Это была особенная овца?

– Не заметил, – сказал Гриб, – но, возможно, при жизни...

– Так, давай не будем плодить сущности. При жизни – это уже домыслы. У нас есть событие, будем отталкиваться от него. Что думаю я...

Вотун заглянул в бумаги. Гриб подобрался.

Ему нравилось слушать своего учителя, потому что он не говорил, он клал узорчатую плитку прямо Грибу в голову, и одна секция гладко стыковалась с другой, слово цепляло слово, глупость виделась глупостью, а за предположением прятался смысл.

– Итак, что мы имеем? – спросил Вотун и посмотрел на Гриба. – Мы имеем сплюсненную овцу. Важно нам, посредством чего случилась ее смерть? Только в том разрезе, человеческих это рук дело или нет. Понятно, что Эппиль такое провернуть не мог, даже если и набрал бы в Зыби десяток-другой исполнителей. Для Эппиля в подобной смерти овцы нет никакой выгоды. Я попытался было допустить, что интерес Эппиля мог заключаться в том, чтобы будоражить общество, загадывать ему загадки, посредством необъяснимых чудес смущать умы и тем самым распространять свое влияние, только быстро понял, что за такое, скорее, ухватился бы Зепотр, а никак не обычный фермер. Но даже если предположить, что сговор с Зепотром имел место, я не вижу, для какой цели они на это пошли. О том, что в результате молитв был вызван палец Божий, слухи по Жалейке не идут, в монастырь этим не манят и откровений никому не обещают. Да и какое наше общество, чтобы его будоражить? Смех один.

Вотун перевел дыхание.

– Зараза! – сказал он, высморкавшись. – Если бы не гнилая неженка, сам бы к нему сходил. Ты не сказал Эппилю, чтобы овцу не трогал?

– Он хотел отнести ее в Зыбь, – сказал Гриб.

– Жалко.

– Я могу сходить к Эппилю снова. Попросить его...

– Не стоит. Так вот, – Вотун налег на подоконник, – если мы имеем дело с нечеловеческим вмешательством, возникает вопрос: зачем это сделано? При этом я сразу хочу отмести как несостоятельную ерунду то, что, возможно, это было сделано случайно или из развлечения. Мы все-таки говорим о природе существа высшего порядка и, извини, подходить к нему с человеческими мерками было бы абсурдно. Ведь так?

Он улыбнулся.

– Наверное, – сказал Гриб. – Но что это тогда?

– Все очень просто, – сказал Вотун. – Это знак.

– Кому?

– Именно! Кому? Это очень интересный вопрос, и тут есть над чем поразмышлять. Как ты думаешь, Гриб, был ли это знак Эппилю?

Гриб фыркнул.

– Вряд ли! Вот если бы у него из раза в раз овец давили... ну, тогда, может быть.

– Прекрасно! – сказал Вотун. – Действительно, пока нет повторяемости процесса, мы не можем быть уверены в направленности знака. Но пока будем считать его единичным. Тогда для кого он? И здесь вполне логичным будет предположить, что сделан он для тех, чье занятие состоит в том, чтобы следить за ситуацией и происходящим в нашем искусственном мире. То есть, для тех, мимо кого информация о возникновении нетривиального, чудесного события не прошла бы ни в коем случае.

Гриб напряг спину.

– Для нас?

Об этом он не думал. Ему стало не по себе от мысли, что кто-то шлет ему приветы в виде раздавленных овец.

– Возможно, мы только передаточное звено, – сказал Вотун, шмыгнув носом. – Возможно, информация через нас должна уйти дальше.

– К кому?

Вотун пожал плечами.

– Ну, к тому же Шагаю. Он же строит какую-то машину для общения. Представь, что он присваивает каждому человеку, участвующему в его эксперименте, цифру или букву, и палец, появляясь, выбивает ему текст.

Гриб поежился.

– Ага, каждая буква – одноразовая.

Почему-то он представил Меку, вдавленную в землю так, что и не узнать. Ему захотелось вернуться домой и убедиться, что с ней все в порядке.

– Ну, да, – сказал Вотун. – Но, согласись, что это элегантное решение. Если Голос к нам не проходит, скажем, в силу нашей невосприимчивости, то действия Пальца в таком случае мы сможем расшифровать.

– А если это знак в ином смысле? – спросил Гриб.

– В каком? – удивился Вотун.

– Ну, в том, что это не нам знак. Наладка чего-нибудь. Измерение температуры среды. Проба грунта.

– Интересно, – задумался Вотун. – Ты полагаешь, что мы как в террариуме?

– В формикарии. Я пойду.

Гриб поднялся.

– Ты сам-то как? – спросил Вотун.

– Ничего, – ответил Гриб. – Живу.

– Вроде похудел ты.

– Не знаю. Вряд ли. Жру все, что дают. Я все думаю: мы здесь уже около двух лет, так?

– Ну, по моим подсчетам дней семьсот будет, – кивнул Вотун, высморкавшись в тряпку. – А что?

– За этот срок ведь можно было понять, что мы ни хрена не слышим? – сказал Гриб. – Я бы понял, ты бы понял, Сильм бы понял. А тут все в голову – бу-бу-бу, бу-бу-бу. Будто автомат без людей.

– Автомат? Погоди-погоди, это я запишу. Голос как автоматическая запись. Это да, в этом контексте...

Вотун склонился, зачеркал грифелем. Глядя на мелко трясущиеся на макушке Вотуна волосы, Гриб подумал, что таких версий, навскидку, он может штук десять выдать еще, не сходя с места. Например, Голос – как монолог, слышимый из другой комнаты. Он не для нас. Он – нечто постороннее, а мы просто улавливаем, гадаем, ой, что это значит, ведь как бы про нас, ведь должно быть для нас. Или что Голос – это вовсе не Голос. Это обращение напрямую к подсознанию, а мы довольствуемся той необработанной, закодированной крохотной частью, что перехватывается нами на грани включения-выключения. Или...

Версии кончились. Ну, ладно, всего две версии, но они – вот, пожалуйста.

Грибу вдруг сделалось жалко Вотуна. Слепец с палочкой. С грифелем, который тычет им во все, пытаясь опознать невидимый ему мир. Тык – это, должно быть, овца. Тык – это, должно быть, дерево. Тык – слон, голос, палец. Тык – должно быть, от нас чего-то хотят.

Честно говоря, Гриб устал от бесплодных догадок. Может, потому и заходит к Вотуну все реже?

– Места мало, – сказал Вотун, отрываясь от бумаги, – записал лесенкой. Ну, кто захочет, тот разберется.

Лесенкой? Гриб вспомнил свой сеанс у мертвой овцы.

– Вотун, Вотун, – заговорил он торопливо, – послушай. Меня вырубил прямо у того загона, и я там начертил... ну, пока был на «связи»... Я не помню, был ли в сознании... Это я смутно...

Хлопок ладонью по подоконнику заставил его вздрогнуть.

– Не мямли! – сердито прикрикнул Вотун. – Говори по существу.

– Я там нарисовал...

– Что нарисовал?

– Дай.

Помедлив, Вотун вручил Грибу грифель и повернул листок бумаги, пальцем обозначив место, где можно чертить.

– Вот здесь, и старайся не залезать на буквы.

– Ага.

Гриб локтем смахнул зеленую каплю, выдавил в уголке листа две горизонтальные прямые и, стараясь, соединил их пятью вертикальными отрезками. Подумав, добавил шестой отрезок. Получилось пять не самых красивых, прижавшихся друг к другу прямоугольников. Почти квадратов. Честно говоря, Гриб не помнил, как оно было на самом деле, выходили ли отрезки за границы линий, были ли промежутки между ними одинакового размера, и решил этого в рисунке не уточнять. По ощущению, выглядело похоже. После «связи» себя-то опознаешь с трудом, а тут, понимаете, еще и художества свои бессознательные до деталей запомнить должен.

– Как-то так.

Гриб подвинул лист Вотуну. Тот приблизился, развернул его к себе, машинально прибрал грифель в складки одежды.

– Это лестница или ячейки? – спросил он, пожевав губами.

– Не знаю.

– И больше ничего?

Гриб пожал плечами.

– Вроде бы нет. – Он подумал, что с другой стороны сплюсненной овцы не смотрели ни он, ни Эппиль, и добавил: – Только это.

– Похоже на лестницу, – сказал Вотун, вывернув шею, чтобы посмотреть рисунок под другим углом.

– Я пойду, – повторил Гриб.

– Да-да... Нет, стой! – Вотун выпростал указательный палец и рванул куда-то внутрь дома.

Гриб принялся ждать. Он ни о чем особенно не думал, просто ждал, попинывая доски крыльца, пересчитал ягоды в кармане – кажется, семь, нет, шесть, тоже шесть, как перекладин на рисунке. Мека будет рада. Гриб представил, как сморщится ее лицо, когда она попробует альбику. Только вот почему альбика зовется альбикой, он не знал. Ногой он откатил в сторону чурбачок. Слух его улавливал перебежки Вотуна по скрипучим полам, его ругань – видимо, тот чего-то не мог найти. Что-то шлепалось в комнатах, что-то звенело. У него, наверное, все там уже в зеленых соплях, подумал Гриб. Слиплось, склеилось.

– Вотун! – крикнул он в окно. – Давай в следующий раз?

– ...ой! – донеслось из дома.

Гриб вздохнул. Чего стоять-то? Будто Вотун ему сейчас смысл всего выкатит. Или машинку желаний подарит. Эх, Гриб бы сразу пожелал, чтобы все это кончилось. Все вокруг. Чтобы исчезла Зыбь, равнина, неженки и тетерки, Жалейка, дурацкие овцы, все эти Голоса и Пальцы. Особенно Голоса и Пальцы. Наверное, только Меку и будет жалко.

Уже жалко.

– Воту-ун!

– Все, все, здесь я.

Вотун кривой тенью шагнул к окну из проема, согнулся, чихнул, брызнув зеленым, и выложил на подоконник пласт старой, прошитой бумаги.

– Смотри здесь.

Он с хрустом раздернул пласт надвое, зашелестел страницами, нашел нужную и повернул к Грибу. Вид у него сделался торжествующий.

– Куда смотреть? – спросил Гриб.

Вотун поставил палец.

– Сюда.

Отпечаток слабо зазеленел.

Под отпечатком, отчеркнутая грифелем от строчек вверх, шла запись: «Со слов обитателя Пайса: он был на «связи» недалеко от Песков, днем, а когда очнулся, оказалось, что вычертил пальцами фигуру, похожую на лестницу, две линии и шесть перекладин. И кто-то будто сказал ему: «Это путь наружу». То есть, это было ощущение. Будто бы лестница ведет прямо на небо».

Гриб нахмурился.

– У меня не было ощущения, – сказал он.

– В любом случае тебе надо найти Пайса, – сказал Вотун, забирая записи. – Хорошо, что я недавно эти подшивки просматривал и вспомнил. Да, тебе надо найти Пайса.

– Он же сумасшедший.

– Вовсе нет. Скорее, своеобразный.

Гриб хохотнул.

– Ага, мне Канчак рассказывал, как он его в Выгребную Яму скинул и бегал по краю, мешая вылезти. И шипел, и улюлюкал, и рожи строил. Я, говорит, только поинтересовался, куда он утром уходил. Не успел спросить, уже лечу.

Вотун вздохнул.

– Просто Пайс не любит, когда за ним следят. Когда вынюхивают. На дух не переносит. А Канчак уж, извини, тот еще придурок временами.

– Ну, понятно, – кивнул Гриб, – сейчас легче стало. То есть, когда я Пайса найду, он на меня так не подумает? Потому что я же Гриб, не Канчак. Я – с благородной миссией. Как заявлюсь, в момент завоюю расположение. Чувствую, так и будет.

Вотун посмотрел на Гриба.

– Ты серьезно или насмешничаешь?

– Блин, Вотун! Как об этом можно говорить серьезно? И вообще, где мне его искать? Он же спрятался, его уже год никто не видел!

– Я знаю, где он, – сказал Вотун.

– И где?

– Бывал на западе, где два домика на краю Зыби?

Гриб кивнул.

– Они пустые.

– Это точно, – согласился Вотун и подтер нос ладонью. – Но один дом был Пайса. Второй – ничей, никто так и не подселился.

– И что?

– А то, что Пайс сказал мне, когда заходил попрощаться, что, если что, если форс-мажор, искать его надо там.

– Где? В пустом доме?

– Рядом с домом. В Зыби.

Гриб на секунду потерял дар речи.

– Где?

– В Зыби.

– И ты говоришь, что он – не сумасшедший?

– Он считает, что так он ушел из-под наблюдения. Ты в курсе, что в Зыби «связь» молчит наглухо?

– Вотун, ты же знаешь, что там другого хватает.

– Ну, знаю. Но это Пайс. Ладно, иди. Ты же хотел идти? Вот и иди, – Вотун потянул створку. – Про Пайса я тебе сказал. И если это знак, с Пальцем, то, возможно, это для него знак. А через него – для всех нас. Ты понимаешь? Так что сходи к нему, Гриб. Ты же все еще хочешь разобраться?

Он вытаращился через стекло. Створка встала на место.

Уже не хочу, подумал Гриб. Уже ничего не хочу. Приду домой, пообедаю, повожусь в огороде, а вечером лягу с Мекой.

И все на этом.

– Завтра, – сказал он Вотуну.

Вотун стукнул в стекло ногтем, показывая, куда Грибу надо идти.

Гриб кивнул и пошел. Он выбрался из Жалейки, успев по пути перекинуться парой фраз с Кинном, Тенет и Аргусом, увидел еще двух едва вылупившихся из Зыби жен. Нет, точно мода пошла.

Миновав околицу, Он уже почти бежал. К Меке, к Меке, к Меке. Все эти овцы, лестницы, перезревшие неженки, Пайсы стали для Гриба не важны. Отмеряя метры, он думал: как она там? Кончился ли сеанс? Не увел ли ее Канчак? Скучает ли она? Бывало, что оставленные без внимания куклы сами поворачивали в Зыбь. Кто ему рассказывал? Фипер, кажется, рассказывал. Он еще смеялся: разве такое возможно? Они же к создателям привязаны!

Но сейчас ему чудилось – прав Фипер.

Мутное солнце, проскочив зенит, медленно подскакивало над правым плечом. Несколько свежих канав, похожих на могилы, появилось в стороне от тропки. То ли кто-то тетерку пытался вырастить, то ли молодая, не вошедшая в разум кукла из Зыби не так поняла приказ хозяина.

Туман повис простынями. Метров сто видимых прошел, окунулся в хмарь, продрался сквозь, а впереди еще одна простыня висит, тебя дожидается. Красноватая, слоистая, текучая. А за ней – следующая. Соблюдая дистанцию, жирные полосы тумана медленно дрейфовали с юга на север. Утром – с севера на юг.

И никому это было не интересно.

Гриб бежал. Вспарывал туман, хрипло дыша и все время ускоряясь. Ноги несли его вперед. Звуки странно отдавались в ушах. Казалось, будто к дому бежит не он один, а человек десять.

И все плюются слюной, все жадно хлопают ртами, все ныряют в муть один за одним. Топают сапогами.

– Мека!

Гриб взлетел на крыльцо и распахнул дверь.

– Мека!

В доме было пусто. Стол был вытерт, чай из чашек слит, вымытая сковорода стояла на печи. В спальне царил порядок: белье разложено по стопочкам, кровать заправлена, покрыта лоскутным одеялом.

Гриб тронул печной бок – обмазанный глиной кирпич отзывался слабым теплом. Значит, не топлено с утра.

– Мека! Ты где?

Гриб выскочил наружу. В голове завертелось всякое. Канчак увел! Обиделась и ушла в Зыбь! Заблудилась в тумане! Ощущение потери скрутилось в животе, заставило Гриба двигаться чуть ли не вслепую. Под сапогами лопались неженки, орнамент из серых булыжников

терял цельность – дурным животным он заполз на посадки, за которыми любовно ухаживала жена. Не разорил, но насвинячил порядочно.

– Мека!

Полоса тумана прошла сквозь.

Меку он нашел на заднем дворе, на недоделанной веранде, с которой открывался вид на холмы. Она сидела на скамейке, сложив руки на коленях, и неподвижно смотрела в Зыбь. Лицо ее было совершенно пустым. Но, заметив Гриба, Мека неуловимо изменилась, щеки и шея порозовели, глаза ожили.

– Гриб, – произнесла она, улыбнувшись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.